

«Слова» прекрасно разбирался в окружающей его политической обстановке. Его страстные обращения к князьям «загородить поля (степным народам.— А. Р.) востра», встать «за Землю Русскую» не были только литературной формой отвлеченной пропаганды единства Руси. Он призывал князей, своих живых современников к конкретному походу против половцев. Д. С. Лихачев предполагает даже, что смысл этого призыва заключался и в более широкой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей. Исследователь показывает, что политические идеи автора «Слова» о единстве Русской земли формируются в условиях конца XII в., как идеи необходимости сильной княжеской власти, способной обуздать противонародные действия феодалов. Вместе с тем идея сильной княжеской власти не превращается у него еще в идею единовластия и осознается только в плане сохранения князьями феодальной верности сюзерену. Отсюда он и наделяет киевского князя Святослава несвойственными ему чертами главы русских князей: он и «грознай», и «великий» (стр. 113). Автор «Слова» не видит оплота твердой власти, уже возникающей на севере, во Владимиро-Суздальской земле, и призывает князей, в том числе и суздальского — Всеволода, вступить за Игоря, поблюсти честь «отцовского стола» в Киеве, который уже утратил свое былое значение действительного центра Русской земли.

Свой призыв к единению, свою любовь к родине автор «Слова» воплотил в главном образе всего произведения — образе Русской земли, с ее бескрайними просторами, с ее прекрасной природой, представители которой — звери и птицы, деревья и травы, сама земля и реки — принимают ближайшее участие в судьбе Игоря и его воинов. Характеристика образов «Слова» (гл. 8 и 9) естественно вытекает из анализа его исторического и идейного содержания. Д. С. Лихачев показывает далее, что стилистический строй памятника (гл. 10) тесно связан с живой русской речью, с терминологией военно-феодальной среды и с народной поэзией. Он приводит убедительные примеры разнообразной ритмики «Слова» (гл. 11), которая возникает преимущественно на основе параллелизма синтаксических конструкций языка памятника и «близко следует смыслу, содержанию произведения» (стр. 149).

Д. С. Лихачев восстанавливает идеологический и социальный облик автора «Слова» (гл. 12), полагая, что неизвестный нам по имени писатель «занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию» и в своем призыве князей к единению был выразителем «чаяний и настроений трудового народа Руси» (стр. 154).

В заключение автор «Очерка» дает краткую справку о влиянии «Слова» на последующую древнерусскую литературу (гл. 13) и ярко характеризует неувядаемую жизнеспособность этого произведения, его историческое и патриотическое значение в наши дни. Таково, в общих чертах, содержание «Очерка».

Важно отметить, что и общая оценка «Слова», и характеристика его исторического содержания, образов, стилистического строя и ритмики строятся Д. С. Лихачевым не только на материале предшествующих изысканий, но преимущественно на основе самостоятельных новых исследований, опубликованных одновременно с «Очерком»².

Общий взгляд Д. С. Лихачева на «Слово» нами, в основном, изложен. Из частных наблюдений исследователя весьма убедительно, например, его мнение о «Трояне» в «Слове» как о древнерусском языческом божестве. Удачна конъектура — «Ярослави и вси внуци Всеслави!» (вместо «Ярославе...» и т. д.), по-новому раскрывающая значение этого обращения автора «Слова», который, как показал Д. С. Лихачев, имел здесь в виду вековую борьбу двух родовых ветвей русских князей — потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого.

Исторически обосновано толкование текста: «Тъи (Всеслав.— А. Р.) клюками подперь ся о кони и скочи къ граду Киеву...» В 1068 г. киевляне восстали против князя Изяслава, который отказал им в конях и оружии. Всеслав же, освобожденный горожанами из киевской тюрьмы, удовлетворил их требование и, благодаря этому, захватил власть. Получается следующий перевод этого прояснившегося отрывка: «Он (Всеслав.— А. Р.) хитростями оперся на коней [потребованных восставшими киевлянами] и скакнул [из подгородного «лоруба»-тюрьмы наверх] к городу Киеву и коснулся древком [копья] золотого [княжеского] престола киевского...» (стр. 96).

Весьма интересно раскрытие исторического содержания фольклорных по своему характеру, но своеобразно осмысленных автором «Слова» образов битвы: «ту кровавого вина не доста, ту пир докончаша храбри русичи: сваты попонца, а сами полегоша за землю Рускую» (стр. 82, 141). Князь Игорь, как поясняет Д. С. Лихачев, действительно, прихотился «сватом» хану Кончаку, дочь которого была помолвлена за сына Игоря — Владимира.

Все эти, как и многие другие наблюдения Д. С. Лихачева представляют зна-

² См. две статьи Д. С. Лихачева в сборнике «Слово о полку Игореве» под редакцией члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950; переводы, статью и комментарии Д. С. Лихачева в книге «Слово о полку Игореве», опубликованной одновременно в академической серии «Литературные памятники», также под редакцией В. П. Адриановой-Перетц.